

Кометчиков Игорь Вячеславович

**СЕЛЬСКИЕ ПЕРВИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КПСС ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
СЕРЕДИНЫ 1940-Х - НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Регулируя численность коммунистов на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х - начала 1960-х гг. и перегруппируя их ряды, верхи партии заявляли о стремлении как можно плотнее контролировать с их помощью колхозно-совхозное производство. Однако достижение к началу 1960-х гг. его полного охвата партактивами не означало сворачивания жесткой административной модели управления, в которой первичным парторганизациям часто отводилась роль не основного, а вспомогательного мобилизационного рычага партаппарата.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/27.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Регулируя численность коммунистов на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. и перегруппируя их ряды, верхи партии заявляли о стремлении как можно плотнее контролировать с их помощью колхозно-совхозное производство. Однако достижение к началу 1960-х гг. его полного охвата партиячейками не означало сворачивания жесткой административной модели управления, в которой первичным парторганизациям часто отводилась роль не основного, а вспомогательного мобилизационного рычага партаппарата.

Ключевые слова и фразы: село Центрального Нечерноземья; сельские первичные организации КПСС; система управления деревней; «партия – государство»; власть и общество.

Кометчиков Игорь Вячеславович, к.и.н.

*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
kometchikov.igor@mail.ru*

**СЕЛЬСКИЕ ПЕРВИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КПСС ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
СЕРЕДИНЫ 1940-Х – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ[©]**

Роль низовых структур КПСС в системе власти пока изучена недостаточно, несмотря на обилие литературы. Долгое время партия считалась политическим авангардом, «руководящей и направляющей силой» диктатуры пролетариата, «ядром всех организаций трудящихся» [11, с. 273-278; 25, с. 337-339; 26, с. 6; 32; 38, с. 3, 20; 41, с. 263-264; 45, с. 88]. Статьей 6 Конституции СССР 1977 г. тезис о руководящей роли КПСС был закреплен применительно к «общенародному государству» [33, с. 28, 29]. Через первичные организации партийные комитеты должны были «направлять» ход дел на местах, мерилом успеха считался прогресс «хозяйственного и культурного строительства». Хотя это уводило от понимания места ячеек КПСС в механизме управления обществом и экономикой, утверждалось повышение их значения как политических организаторов по мере увеличения численности и организованности сельских коммунистов [1, с. 63, 65; 27, с. 178-187, 229-232, 393-394, 458, 558, 562-563; 40, с. 173-174, 178, 194; 42-45]. В последующие годы получила распространение концепция «двух партий» в КПСС: фактически управлявшей номенклатуры и массы коммунистов в первичных организациях [4, с. 20, 22; 9, с. 154-155], с одной стороны, отделенных от принятия решений, но, с другой, сращенных с государственными структурами в ячейки «партии-государства» [29, с. 556-557; 30, с. 168; 39, с. 33, 34, 123, 124, 125; 51, с. 126, 131]. Отношения между «партиями», регулирование верхами состава, численности и функционирования первичных организаций КПСС, изучение чего помогло бы уточнить их место в механизме власти, часто остается вне поля зрения (например: [29, с. 278-323]). В данной статье эти вопросы рассматриваются на материале села Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг.

Согласно Уставу КПСС первичные парторганизации должны были привлекать новых членов, содействовать их политическому просвещению, помогать руководящим структурам партии в выполнении официальных решений и мобилизации для этого беспартийных. Важнейшей их прерогативой являлось право контролировать администрации предприятий, обоснованное еще в докладе А. Жданова на XVIII съезде ВКП(б) необходимостью «наладить контроль за состоянием дела на производстве и помочь хозяйственникам выполнить и перевыполнить программу» и бывшее, как видно, конкретизацией сталинской идеи об «улучшении повседневного партийного руководства» через его «приближение к низовой работе» [8, с. 28, 535]. Тезис о контроле первичной парторганизацией администрации производства повторялся в редакциях Устава, принятых XIX и XXI съездами партии [34, с. 105; 35, с. 298; 37, с. 201]. Представляется, что в изучаемый период регулирование состава, численности и функционирования ячеек КПСС на селе Центрального Нечерноземья, в первую очередь, преследовало реализацию этой установки, включавшей не только преодоление объективных и организационных трудностей роста низовых структур партии, но и отработку системы их взаимодействия с усилившим свое влияние местным партаппаратом.

Налаживание контроля над деревней посредством ячеек ВКП(б) затруднялось обстоятельствами военного времени и малочисленностью сельских коммунистов. Война замедлила рост партийных рядов. К ее окончанию прирост численности коммунистов на 45-50% по сравнению с довоенным периодом наблюдался только в областях Центрального Нечерноземья, не знавших боевых действий. В остальных областях он был относительно скромным: в Брянской – 4,6%; Великолукской – 12,6; Калужской – 17%; Орловской – 14,3%; Смоленской – 7,2% (подсчитано по: [52, д. 16, л. 99, 100, 101]). Потери, которые ВКП(б) понесла в годы войны, лишь отчасти возмещались приемом в ее ряды на фронте. На 1 января 1946 г. члены и кандидаты в члены ВКП(б) «военного призыва» составляли 72,4% всего ее состава [24, с. 118]. Высоким процент новобранцев был в Центральном Нечерноземье: в Тульской облпарторганизации состояло 56,3% коммунистов, вступивших в партию в 1941-45 гг.; Калининской – 63%; Ярославской – 60%; Калужской – 68,5%; Рязанской на 1 июля 1946 г. – 74,3%; во Владимирской на 1 сентября 1946 г. – 62,8% (подсчитано по:

[15, д. 106, л. 27; 42, с. 370; 43, с. 691, 692; 44, с. 380; 45, с. 113, 131; 60, с. 17, 77]). С одной стороны, «военное» поколение качественно отличалось от однопартийцев с довоенным партстажем, так как не знало массовых чисток, обладало фронтовым опытом, обостренным самосознанием победителей. Многие его представители видели Западную Европу взглядом, незамутненным пропагандой [24, с. 119]. С другой, значительная его часть имела в целом невысокий общеобразовательный уровень, поверхностные знания «политической грамоты», ограниченный опыт участия во внутрипартийных процедурах и «мирных» политических кампаниях.

Именно за счет демобилизованных коммунистов в 1945-47 гг. преимущественно увеличивался состав региональных парторганizations, росла разреженная сеть первичных парторганizations на селе, а во многих районах Смоленской, Калужской, Орловской, Брянской, Тульской, Калининской областей приходилось заново восстанавливать не только ее, но и районные партийные и советские органы. В Орловской области количество колхозных первичных парторганizations с 1 января 1945 г. по 1 апреля 1946 г. увеличилось с 34 до 253, коммунистов в них – с 298 до 1582 чел., сельских территориальных организаций, соответственно, с 259 до 536, их членов – с 2072 до 7539 чел. [3, с. 22]. В Тульскую облпарторганization на начало апреля 1946 г. из армии прибыло 11 123 коммуниста, что составило 40,7% всего ее состава и позволило организовать 451 первичную парторганization, в том числе 39 колхозных и 229 сельских территориальных. Из числа демобилизованных коммунистов на селе работало 3152 чел., в том числе 460 чел. – председателями колхозов [61, д. 33, л. 26, 27 об.]. В Брянскую область возвратилось 10 200 коммунистов, в том числе, 135 чел. были направлены на должности председателей сельсоветов, в Смоленскую – 9305 чел. В Калужскую область к концу 1946 г. прибыли 9829 коммунистов-фронтовиков. Количество колхозных парторганizations за одиннадцать месяцев 1946 г. возросло с 15 до 130 [15, д. 202, л. 6, 7].

Демобилизация обострила задачу регулирования численности рядов ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)», кроме указаний на недопустимость огульного подхода при приеме, парторганizations сельских районов предлагалось улучшить работу по отбору в партию передовиков [35, с. 25, 27]. Фактически речь шла о сдерживании приема, ограничивать который ЦК регулярно требовал и позднее [51, с. 126]. Однако во многих областных парторганizations, остро нуждавшихся в пополнении, эти директивы выполнялись непоследовательно. В Калужской, Тульской и Брянской организациях ВКП(б) снижение числа принятых кандидатами в члены партии наблюдалось лишь в 1947-49 гг. [6, с. 23, 24, 42, 46, 100; 15, д. 14, л. 4, 9, 13, 17, 20, 22, 23 об., д. 222, л. 4, 9, 10, 17, 22, 25, 25 об., д. 358, л. 4, 9, 11, 17, 22, 22 об., 28, д. 487, л. 4, 10, 11, 19, 24, 28, 28 об., 33, д. 607, л. 5, 10, 12, 18, 23, 26, 26 об., 29, д. 747, л. 7, 12, 13, 27, 33, 36, 36 об., 45, д. 870, л. 5, 10, 13, 25, 30, 32, 32 об., 40, д. 1039, л. 4, 7, 10, 29, 34, 35, 35 об., 43; 60, с. 17, 34, 107].

С начала 1950-х гг. ежегодные темпы прироста рядов провинциальных коммунистов в областях Центрального Нечерноземья ускоряются: в 1951 г. они составляют 4-7,3% состава областных парторганizations, в 1952 г. – 1,9-6%. В 1953 г. происходит понижение приема и рост количества исключенных, что, как представляется, было связано со смертью Сталина и последовавшими политическими катаклизмами: прием в КПСС сокращается до 1,7-2,7% состава областных парторганizations, а количество исключений, напротив, возрастает до 0,8-2,6% их состава (подсчитано по: [52, д. 18, л. 60-69, 96-115, 120-123, д. 19, л. 96-111]).

Кроме того, увеличение количества коммунистов на селе в 1945-1953 гг. шло в основном не за счет колхозников, рабочих совхозов и МТС, а благодаря первоначальному приему работников, учитывавшихся в партстатистике как «служащие», что подчеркивало приоритет, отдававшийся верхам партии совершенствованию контроля над управленческими структурами. В Брянской облпарторганization за 1945-52 гг. кандидатами в члены партии было принято по социальному положению крестьян 14,9%, а служащих – 68,8% (подсчитано по: [6, с. 44-45]). На 1 января 1953 г. социальный состав облпарторганization был следующим: 44,8% служащих, 33,2% рабочих и 21,8% крестьян [Там же, с. 58]. В Калужской облпарторганization за то же время кандидатами было принято 14% крестьян и 67,5% служащих (состав по социальному положению на 1 января 1953 г.: 48,9% – служащие, 31,9% – рабочие, 19,2% – крестьяне) (подсчитано по: [15, д. 222, л. 10, 25, д. 358, л. 11, 24, д. 487, л. 11, 28, д. 607, л. 12, 25, д. 747, л. 13, 36, д. 870, л. 13, 32, д. 1039, л. 10, 35]). Немалая часть сельских коммунистов оседала в аппаратах различных организаций (сказывались номенклатурные принципы кадровой политики и нехватка элементарно грамотных людей). К середине 1947 г. в 10 областях Центрального Нечерноземья там работало 35-50% сельских партийцев, непосредственно в колхозном производстве – 50-60% коммунистов-колхозников (в Брянской области – 34,1%, в Ивановской – 20,3%) (подсчитано по: [53, д. 221, л. 158, 159, 161, 162]). Итогом послевоенного партийного призыва с преимущественным приемом административных работников стало увеличение к началу 1953 г. численного состава региональных парторганizations Центра по сравнению с началом 1945 г. в 2-3 раза. Таким был один из основных способов, которым на местном уровне пытались усиливать партийное влияние в деревне.

Избирательный прием в партию в первые послевоенные годы соседствовал с чистками (хотя формально от них решено было отказаться еще на XVIII съезде ВКП(б)) [8, с. 519-520]. Весомым поводом для этого стала война, воспринимавшаяся на местах как проверка преданности советскому строю. Еще до выхода постановления ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. партколлегии и бюро обкомов ВКП(б) Центрального Нечерноземья были загружены партийными делами коммунистов, находившихся на оккупированной территории без заданий партийных комитетов. Если в 1945 г. количество исключенных из ВКП(б) в большинстве областных парторганizations Центрального Нечерноземья колебалось в пределах 0,2-1,8% их общего состава (только в Брянской области – 6,5%), то уже в 1947 г. оно резко увеличилось и составило 1,2-3,8% всех коммунистов (в Брянской

парторганизации – 3,8%, Великолукской – 2,8, Калининской – 2,5, Калужской – 3,1, Орловской – 2,7, Смоленской – 3). В Брянской, Великолукской, Ивановской, Калининской, Калужской, Орловской, Смоленской парторганизациях количество исключенных из ВКП(б) в 1947 г. существенно превысило число принятых (подсчитано по: [52, д. 16, л. 110-119, 124-125, д. 17, л. 134-143, 148-149]). К началу 1949 г. Калужский обком ВКП(б) рассмотрел 2830 решений райкомов о коммунистах, остававшихся на оккупированной территории, подтвердив исключение 2074 чел., Брянский обком ВКП(б), соответственно, 4427 и 4342 чел. [12, д. 1477, л. 195; 15, д. 487, л. 15]. В Тульской области только в 1945 г. по мотивам уничтожения и утери партдокументов, пребывания на оккупированной территории, отказа от эвакуации, отрыва от парторганизации было исключено 544 чел. (подсчитано по: [61, д. 59, л. 7]). По всей стране с 1 июля 1945 г. по 1 июля 1947 г. за пребывание на оккупированной территории было исключено 29,2% всех удаленных из ВКП(б) (на первом месте находились исключенные за должностные преступления и «морально-бытовое разложение» – 37,8%) [24, с. 124].

Основанием сдерживания приема в партию была также в целом низкая степень усвоения потенциальными кандидатами официального дискурса. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александров указывал на политическую безграмотность 70-80% коммунистов в первые послевоенные годы [22, с. 191]. Исправить это положение было призвано развертывание сети политического просвещения. В отличие от предвоенных лет, когда основным «методом изучения марксизма-ленинизма», согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском — Краткого курса истории ВКП(б)», было самостоятельное освоение «истории и теории большевистской партии» [49, с. 368-369, 374-375], теперь на первом плане находилось развитие кружковых форм. Задача «переварить» пополнение партии, «заботиться о повышении его политического уровня» была обозначена в постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. [35, с. 26, 28-30] и в центральной партийной прессе [2; 5; 10; 69, с. 29]. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разработало программу занятий политшкол при первичных парторганизациях из 15 тем, рассчитанную на формирование элементарных, с точки зрения «марксизма-ленинизма» сталинского образца, знаний основ советского общественного и политического строя, его ближайших и «стратегических» целей, роли в нем партии. За 5-6 месяцев политшколы должны были подготовить коммунистов к самостоятельному или кружковому изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» [31, с. 50]. В создававшейся сети политпросвещения политшколы занимали одну из начальных ступеней. Еще ниже располагались кружки по изучению биографий Ленина и Сталина, а также сборника выступлений, приказов и приветствий Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Стержнем сети политпросвета являлись кружки по изучению учебника «История ВКП(б). Краткий курс» основного и повышенного (со штудированием первоисточников) типов. Сеть политпросвещения в первые три-четыре года после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. охватила политической учебой большинство коммунистов, что в отчетах обкомов ВКП(б) рассматривалось как несомненный успех. На деле за их страницами часто скрывались поверхностное усвоение слушателями материала и незначительный процент изучающих политграмоту в общей массе сельского населения. В качестве показателя, более реалистично отражающего эффективность работы сети политпросвета, можно рассматривать количество кандидатов в члены ВКП(б) с просроченным кандидатским стажем. По Уставу ВКП(б) 1939 г. он составлял год, в течение которого кандидат должен был усвоить Программу, Устав и «тактику партии» [34, с. 97]. Однако многим тяготы послевоенных лет и сеть политпросвещения, воссозданная после войны, не обеспечивали своевременного его прохождения. В Тульской облпарторганизации в 1947-51 гг. при охвате политучебой 67,7-93% ее состава 73,2-95% кандидатов в члены ВКП(б) имели просроченный кандидатский стаж (подсчитано по: [59, с. 17; 62, д. 35, л. 64, 165, 166; 63, д. 1, л. 64; 64, д. 81, л. 95, 96; 65, д. 2, л. 74, 79, 81, д. 64, л. 149, д. 87, л. 61; 66, д. 14, л. 200, 201; 67, д. 64, л. 43, 48]), в Калужской облпарторганизации в 1946-1952 гг. при охвате политучебой 56,6-90,1% коммунистов – 37,3-88,4% кандидатов (подсчитано по: [15, д. 66, л. 144, д. 190, л. 101, д. 202, л. 10, д. 222, л. 28, д. 333, л. 25, 26, 27, д. 334, л. 43, д. 358, л. 28, д. 487, л. 33, д. 585, л. 1, 2, д. 607, л. 29, д. 700, л. 13, д. 715, л. 29, 30, 31, д. 732, л. 23, д. 747, л. 45, д. 836, л. 43, д. 870, л. 40]). Часто на селе даже политическая грамотность руководителей воспринималась как поверхностная и не затрагивающая сути их повседневной работы [19, д. 222, л. 44 об. – 45].

Преобладание в Центральном Нечерноземье до начала 1950-х гг. мелких колхозов и малочисленность сельских коммунистов влияли на их распределение. Долгое время основной формой первичной парторганизации была сельская территориальная (при сельсовете), объединявшая коммунистов его центра и близлежащих сельхозартелей. С точки зрения главной на тот момент задачи, как ее определял ЦК ВКП(б) – «борьбы за план» [23, с. 18], – это имело известные преимущества. Поэтому в первые послевоенные годы многие сельские территориальные парторганизации превратились в своеобразные «подрайкомы», одинаково вмешивающиеся и в дела первичных парторганизаций колхозов, и колхозов, где вообще не было коммунистов [34, с. 105]. Объединяя актив сельсовета (сельсоветских работников, учителей, медработников, налоговых и страховых агентов и т.д.), они являлись более крупными по составу, что делало их важными агентами райкома в работе с населением. В 1953 г. в сельской территориальной парторганизации областей Центрального Нечерноземья состояло в среднем от 5,2 до 11,2 коммуниста (в Московской области – 16,8) (подсчитано по: [52, д. 19, л. 60-75]). Но формирование партакеек по территориальному принципу консервировало слабый уровень их влияния на периферийные по отношению к центру сельсовета колхозы и чрезвычайные методы руководства силами уполномоченных РК ВКП(б) и РИКов, часто взаимодействовавших с председателями колхозов напрямую, в обход первичных организаций. В середине 1947 г. в 8 из 10 областей Центрального Нечерноземья более 80% сельхозартелей не имели первичных парторганизаций, а в Великолукской, Ивановской, Калининской, Калужской, Смоленской и Тульской областях более 50% коммунистов-колхозников не состояло в колхозных

парторганизациях (подсчитано по: [53, д. 221, л. 146, 154, 156, 162]). К концу 1947 г. первичные парторганизации имелись в 7,1-26,3% колхозов (в Рязанской области – в 32,5%), в них состояло от 9 до 35,2% членов региональных организаций. Количественный перевес сельских территориальных парторганизаций над колхозными завершился в Центральном Нечерноземье в начале 1950-х гг., когда после укрупнения количество колхозов сократилось в 3 раза (подсчитано по: [54, д. 3745, л. 138, 139, д. 3746, л. 113]). В конце 1952 г. первичные парторганизации уже имелись 61,5-84,9% колхозов (во Владимирской области – 92,9%; Рязанской – 93,3%). Однако состав большинства первичек уменьшился до 11,4-24% членов облпарторганизаций (в Московской области – 2,3%; Ивановской – 26,9%) (подсчитано по: [52, д. 17, л. 104-106, 108, д. 18, л. 60-69, 96-115, 120-123]). В определенной степени такая перегруппировка носила компенсирующий характер: в условиях оттока значительной доли трудоспособных колхозников в города, из-за их незаинтересованности трудиться в общественном хозяйстве она должна была усилить мобилизующее влияние партийных организаций.

И официальные документы, и партийные историки значительно переоценивали уровень политической «сознательности» и «активности» сельских коммунистов. На деле и то, и другое часто было невысоким. Самыми подготовленными секретарями первичных организаций были работники умственного труда (избач, учитель, заведующий медпунктом, работник сельсовета, колхозной администрации, финагент и т.д.), многие из которых не были заняты на производстве и, соответственно, не имели возможности повседневно «передавать мобилизационное напряжение» на фермы и в бригады. Внутрипартийная и массово-политическая работа на селе, выражаясь языком партийных документов, хронически отставали от задач «хозяйственно-культурного строительства». Причинами этого были, с одной стороны, материальные трудности, которые переживали многие сельские партийцы, а с другой – концентрация райкомов партии на хозяйственных кампаниях, не позволявших уделять достаточно внимания внутрипартийной работе [51, с. 134, 135]. Второе обстоятельство подчеркивалось в постановлениях ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г., от 17 августа 1946 г. «О работе Сальского райкома ВКП(б) Ростовской области» и партийной прессе [35, с. 26, 50; 47; 55; 56, с. 1-3]. Сами секретари райкомов ВКП(б) и актив района часто были невысокого мнения о возможностях сельских партячек. В своем объяснении Смоленскому обкому КПСС по жалобе Н. Хрущеву из Шумячского района член бюро райкома, сетуя на «укрывательство и разбазаривание» хлеба председателями колхозов, указывал: «Справедливо в жалобе отмечается, что районный партийный актив все же часто посылается райкомом в колхозы и первичным парторганизациям все же мало оказывает помощи в работе, <...> больше работает за председателей колхозов и секретарей парторганизаций, иногда подменяя их, потому что они самостоятельно не решают вопросы так, как это требуется, по-государственному...» [17, д. 1790, л. 198, 198 об.]. Такое же мнение о сельских первичках часто встречалось в письмах во власть населения. «Слабая политмассовая работа на низах привела к тому, что когда-то революционно настроенное село ослабило свою работу, и нет того революционного огня, которым оно горело раньше. На ряд безобразий не реагируют. <...> Нет настоящей заботы о подготовке кадров, об учебе, особенно сельскохозяйственной, о развертывании социалистического соревнования, все как-то формально...», – писал И. Сталину живущий в Москве уроженец села Никольское Свердловского района Орловской области, создавший в 1917 г. в Никольском одну из первых организаций РКП(б) в деревне [19, д. 221, л. 17 об.].

Несмотря на провозглашенный после войны курс на усиление внутрипартийной работы и попытки наладить соблюдение уставных процедур, сельские парторганизации оставались заложниками системы управления деревней, сложившейся в довоенные годы и усилившейся за военное время. Обкомы и райкомы ВКП(б) делали ставку на рост партийного влияния в деревне не за счет увеличения состава и улучшения работы производственных первичных парторганизаций, а распространяя членство в партии и номенклатурный учет на все новые должности в иерархии колхозно-совхозного производства. Как сельская экономика, первичные организации ВКП(б) в деревне Центрального Нечерноземья к концу сталинской эпохи переживали кризис, проявлявшийся в сокращении абсолютной численности их членов, оттеснении сельских ячеек на периферию механизма власти. Если на 1 июля 1947 г. в Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях непосредственно на селе работало 167 519 коммунистов (из них более 40% – в учреждениях и организациях), то на 1 января 1954 г. на учете в сельских первичных организациях их состояло на 26,6% меньше (подсчитано по: [52, д. 19, л. 62-63, 66-67, 70-71, 74-75; 53, д. 221, л. 158, 159, 161, 162]), хотя за 1945-1953 гг. общий прирост рядов облпарторганизаций Центрального Нечерноземья (без Московской области) составил 157 861 коммунистов (43,4%) (подсчитано по: [52, д. 16, л. 110-119, 124-125, д. 18, л. 96-115, 120-123]). Неудивительно, что широкое распространение получили такие чрезвычайные властные практики, как «институт уполномоченных», возмещавший малочисленность состава и организационную слабость многих первичных парторганизаций.

С утверждением у власти Н. Хрущева были предприняты шаги по сворачиванию чрезвычайных методов управления и форсированию полного охвата первичными парторганизациями производственной структуры колхозов и совхозов. «Укрепить» производственные парторганизации села призвал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС [35, с. 344; 48]. Были скорректированы подходы к регулированию численности коммунистов. Подверглись либерализации и упрощались правила приема и учета коммунистов. 25 июня 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об устранении канцелярско-бюрократических извращений в учете кадров», согласно которому формы кадровых анкет упрощались, из них изымались пункты о нахождении в годы войны на оккупированной территории, привлечении к судебной ответственности [50, с. 148]. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» от 17 сентября 1955 г. сокращал сроки осужденным за это, а также снимал судимости и поражения в правах освобожденным от ответственности [7, ст. 345], хотя проверки вступавших

в партию на наличие компромата за годы войны проводились сельскими райкомами КПСС Центрального Нечерноземья, по крайней мере, до конца 1950-х гг. [16, д. 621, л. 19; 20, д. 1257, л. 73-75; 59, с. 436-439].

В результате, если в 1954 г. прирост рядов облпарторганизаций Центрального Нечерноземья составил 1,8-3,4% (в Калужской парторганизации – 4,5%, в Орловской – 3,8%), в 1955 г. – 1,4-6,2%, то в 1956 г. уже 3,4-7,2%, в 1957 г. – 3,1-7,6%. Количество исключаемых, напротив, снижалось: в 1954 г. оно колебалось в пределах 1-3% состава областных парторганизаций; в 1955 г. – 0,3-1,8%; 1956 г. – 0,4-1,1%; 1957 г. – 0,4-1,0% (подсчитано по: [52, д. 19, л. 96-111, д. 20, л. 82-83, 86-87, 90-91, 94-95, д. 21, л. 78-79, 82-83, д. 22, л. 80-85]). Хотя доля колхозников среди принимаемых кандидатами в члены КПСС не превышала 25%, в большинстве случаев колеблясь от 8 до 20%, за 1954-1957 гг. их численность выросла по двенадцати областям на 21 170 чел. (31,5%) (подсчитано по: [Там же, д. 18, л. 96-115, 120-123, д. 22, л. 94-101]). Сокращалось число кандидатов в члены КПСС с просроченным кандидатским стажем, что говорит о некотором росте политической грамотности коммунистов: в 1953 г. их количество равнялось 55,9-75,6%; 1954 г. – 24,8-58,4%; 1955 г. – 13,9-47,9%; 1956 г. – 10,7-43,8%; 1957 г. – 8,9-48% [Там же, д. 18, л. 127-129, д. 19, л. 131-134, д. 20, л. 139-142, д. 21, л. 152-155, д. 22, л. 150-153]. И все же итоги приема в партию на селе в эти годы следует признать скромными. Численность коммунистов, состоящих на учете в парторганизациях колхозов, совхозов, МТС и сельских территориальных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей увеличилась на 38 373 чел. (25,5%), но так и не превысила уровня середины 1947 г. (подсчитано по: [52, д. 19, л. 62-63, 66-67, 70-71, 74-75, д. 22, л. 130-145; 53, д. 221, л. 158, 159, 161, 162]).

Увеличение числа сельских коммунистов стимулировало расширение охвата колхозов сетью первичных парторганизаций. В 1953 г. первичные парторганизации действовали в 50-85% колхозов (во Владимирской – в 93%; в Рязанской – 94,4%), объединяя от 9,6 до 24,5% коммунистов области; в 1954 г. – 66,6-96,4% колхозов и 11,1-28,4% коммунистов; в 1955 г. – 69-97,6% колхозов и 12,2-30,3% членов и кандидатов КПСС; в 1956 г. – 72-99% колхозов и 7,3-32,5% коммунистов; в 1957 г. – 87-100% колхозов и 7,8-31% коммунистов соответственно (подсчитано по: [52, д. 18, л. 60-69, 96-115, 120-123, д. 19, л. 60-61, 64-65, 68-69, 72-73, 96-97, 100-101, 104-105, 108-109, д. 20, л. 80-82, 84-86, 88-90, 92-94, 114-116, 118-120, 122-124, 126-128, д. 21, л. 94-101, 132-147, д. 22, л. 94-101, 130-145]). Однако следует отметить, что и в 1950-е гг., несмотря на невиданную концентрацию партийных сил в колхозном производстве, малочисленность сельских партийцев, особенно вдали от райцентра, заставляла райкомы КПСС, как и в случае с сельскими территориальными парторганизациями, объединять в колхозных первичных парторганизациях много коммунистов, не являвшихся членами колхозов. Как видно, волны партийных мобилизаций на работу в деревню до самих колхозов доходили слабо: в 1954 г. в областях Центрального Нечерноземья число членов колхозных парторганизаций, не состоявших в колхозе, равнялось 17,8-32,8% состава колхозных партакчеек; в 1955 г. – 19,1-40%; 1956 г. – 16,7-31,2%; 1957 г. – 7,8-31% [Там же].

Наиболее крупными по составу, хотя и относительно малочисленными были первичные парторганизации совхозов и МТС. К началу 1950-х гг. их сеть почти полностью охватывала эти сельскохозяйственные предприятия. В 1954 г. в одной первичной партийной организации совхоза в среднем состояло 12,6-25,6 коммунистов; 1955 г. – 14,1-30,7; 1956 г. – 13,9-34,0; 1957 г. – 16,0-51,1; первичной парторганизации МТС – 22,3-39,6; 1955 г. – 23,9-39,7; 1956 г. – 18,7-41,0; 1957 г. – 29,5-45,6 членов соответственно (подсчитано по: [21, д. 70, л. 24-26, д. 73, л. 34, д. 77, л. 37, 37 об., 38; 52, д. 17, л. 60-69, д. 19, л. 60-75, д. 20, л. 114-129, д. 21, л. 132-147, д. 22, л. 130-145; 54, д. 4445, л. 132-133, д. 5301, л. 198, д. 5947, л. 104-105, д. 6124, л. 89-90, д. 6296, л. 87-88]). Вторым по массовости (после колхозных) типом первичной парторганизации оставались ячейки при сельсоветах (имелись в 20-50% их числа). Они были в среднем более крупными, чем колхозные, могли более эффективно концентрировать свои усилия на различных «хозяйственно-политических» кампаниях. В 1954 г. в сельской территориальной парторганизации состояло в среднем 7,4-13 коммуниста (в Московской области – 20,8), в 1955 г. – 7,0-12,7 (в Московской области – 25,8), в 1956 г. – 8,3-13,5 (в Московской области – 30,0), в 1957 г. – 9,6-16 (в Московской области – 33,2) [Там же].

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. становится важной вехой на пути увеличения численности сельских коммунистов и их концентрации в производственных первичных парторганизациях при возрастании числа последних, что объявлялось основой повышения эффективности партийного руководства и сворачивания чрезвычайных методов управления [35, с. 342-343, 387-388, 390, 486, 490; 57, с. 342-345]. Ряды региональных парторганизаций в областях Центрального Нечерноземья динамично росли: в 1958 г. на 3,2-7%; 1959 г. – 3,7-8,2%; 1960 г. – 4,5-8,3%; 1961 г. – 4,5-8%, причем, как и ранее, основную долю прироста обеспечивали коммунисты, учитываемые как «служащие по роду занятий», которых насчитывалось 40-50%. Но если с 1 января 1958 г. по 1 января 1961 г. Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская парторганизации возросли на 99 020 чел. (17%), то колхозников по роду занятий среди них было лишь 8865 чел. (подсчитано по: [52, д. 22, л. 80-85, 94-101, д. 25, л. 72-83, 116-123]). В 1958 г. из одиннадцати областей Центрального Нечерноземья только в Брянской, Орловской, Рязанской и Смоленской количество колхозников, занятых непосредственно в колхозе, составляло около 30% принятых в партию, а в остальных областях колебалось от 14 до 24%. В 1959 г. около 30% колхозников приняли в партию в Брянской, Калининской, Калужской, Костромской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, в 1960 г. – в Брянской, Калининской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, а в 1961 г. – только в Орловской (подсчитано по: [Там же, д. 23, л. 110-117, д. 24, л. 100-107, д. 25, л. 100-107, д. 26, л. 86-93]). Низким оставалось число исключаемых из КПСС, не превышавшее 0,3-1% состава региональной парторганизации (подсчитано по: [Там же, д. 23, л. 84-85, 88-89, 92-93, д. 25, л. 72-83, д. 26, л. 72-77]), а также число

коммунистов с просроченным кандидатским стажем: в 1959 г. по облпарторганизациям Центрального Нечерноземья оно составляло 7,5-38,5%, в 1960 г. – 6,9-32,4%; 1961 г. – 7,3-26,7%, понизившись за 1958-1961 гг. по всем облпарторганизациям на 22,6% (подсчитано по: [Там же, д. 23, л. 182-185, д. 24, л. 172-175, д. 25, л. 172-175, д. 26, л. 158-161]). И все же численность рядов КПСС на селе к началу 1960-х гг. говорит о пробуксовке курса на значительное увеличение числа сельских коммунистов. На 1 января 1961 г. в первичных парторганизациях колхозов, совхозов и сельских территориальных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей насчитывалось 172 457 членов, на 11 259 чел. (7%) больше по сравнению с численностью на 1 января 1958 г. Всего за 1947-1960 гг. в этих областях количество коммунистов села увеличились лишь на 4938 чел. (подсчитано по: [52, д. 22, л. 130-145, д. 25, л. 152-154, 156-167; 53, д. 221, л. 158, 159, 161, 162]).

Продолжилось перераспределение сельских коммунистов между типами первичных парторганизаций: сокращение числа сельских территориальных и увеличение – колхозных. В 1958 г. парторганизации имелись в 4,4-20,4% сельсоветов (в Московской области – 26%); 1959 г. – 1,8-11,8% (во Владимирской области – 20,6%, в Московской – 26,4%); 1960 г. – 0,8-8,0% (во Владимирской области – 18,5%, в Московской – 23,4%) (подсчитано по: [52, д. 23, л. 162-177, д. 24, л. 152-167, д. 25, л. 152-154, 156-167]). Как и ранее, они оставались более крупными по составу, чем парторганизации колхозов: 1958 г. в составе сельской территориальной парторганизации насчитывалось в среднем 11,0-18,5 коммунистов (в Московской области – 37,0); 1959 г. – 11,7-24,7 (в Московской области – 39,6); 1960 г. – 13,0-26,7 (в Московской области – 40,0) [Там же]. Наиболее многочисленными и важным с точки зрения управления селом виделись первичные парторганизации колхозов, совхозов и МТС. Наиболее крупными среди них были парторганизации совхозов и МТС. В 1958 г. в одной первичной парторганизации совхоза насчитывалось 21,4-53,1 коммуниста, в 1959 г. – 26,5-107,2. В 1958 г. первичная парторганизация МТС насчитывала в среднем 18,9-25,3 коммунистов, в 1959 г. – 19,2-30,4 (подсчитано по: [Там же, д. 23, л. 162-177, д. 24, л. 152-167]). Неслучайно постановлением декабрьского пленума ЦК КПСС (1959 г.) только при первичных парторганизациях совхозов было решено создавать комиссии по контролю хозяйственной деятельности администраций [36, с. 467-472, 488].

В результате роста отряда коммунистов на селе, а также укрупнения колхозов Центрального Нечерноземья власти к 1961 г. впервые удалось добиться почти полного их охвата первичными парторганизациями. С конца 1950-х гг. полностью охватывались первичными парторганизациями совхозы (подсчитано по: [52, д. 23, л. 82-83, 86-87, 90-91, 162-177, д. 25, л. 72-83, 152-154, 156-167, д. 26, л. 72-77, 138-149, 150-153]). Однако неизбежным следствием быстрого перевода основной массы сельских коммунистов на учет в колхозные парторганизации стал большой удельный вес нечленов колхоза в их составе (в 1958 г. – 17,4-35,4%; 1959 г. – 17,1-30,3%; 1960 г. – 16,6-27,5%; 1961 г. – 16,1-27,9%) (подсчитано по: [Там же, д. 23, л. 162-177, д. 24, л. 152-167, д. 25, л. 152-167]), что не могло не сказаться на осуществлении функции контроля за колхозным производством. Во многих парторганизациях частыми были формализм, апатия, приспособление внутривластных процедур под личные интересы посредством неформальных связей. До некоторой степени это провоцировала и политика ЦК КПСС по децентрализации власти. Так, постановлением ЦК КПСС от 30 сентября 1958 г. «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий республик, крайкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов» первичным парторганизациям разрешалось определять «целесообразность предоставления» протоколов бюро и общих собраний первичных организаций в РК КПСС [58, с. 555, 556], что объективно вело к ослаблению контроля райкома над ними. Из колхоза «Колос» первому секретарю Кировского РК КПСС Калужской области осенью 1958 г. писали, что большинство коммунистов парторганизации «не критикуют неблагоприятные поступки других», «закрывает критику» и председатель колхоза, заявивший на предложение собрать «серьезное» партсобрание, что «болтовни в наш век много, работать надо». «Хуже всего, что эти дела – привычные для многих и не встречают осуждения. Критикуют те, кого обходят. Получивши подачку, молчат. Колхоз катится вниз по наклонной плоскости. Пьянка и драка – ежедневное явление... Надо взбудоражить парторганизацию, раскрыть глаза от сна и вина...», – предлагал автор письма [14, д. 45, л. 117 об., 118]. К началу 1960-х гг. под влиянием нарастания проблем в экономике увеличилось количество писем, авторы которых были скептически настроены по отношению к коммунистам вообще. Лаконично эти настроения выразил в 1960 г. автор анонимного письма, поступившего на имя Н. Хрущева из Орловской области: «г. Хрущев, прочтите. Радио и газеты: члены партии – лучшие, кристально чистые люди. Народ: в партию идут для наживы, воровства и расхищения народного богатства» [20, д. 1811, л. 216].

Обновление состава руководителей укрупненного колхозно-совхозного производства, выступавшее важной чертой хрущевских преобразований на селе, обострило противоречие между уставным правом первичной парторганизации контролировать администрацию предприятия, при котором она создана, и повышением номенклатурного статуса и прерогатив его руководства. По письмам во власть можно судить о том, что часто на селе фигуры хозяйственных руководителей воспринимались стоящими выше, чем секретари первичных парторганизаций. Рабочие совхоза «Новомедвенский» Ленинского района Тульской области в письме Н. Хрущеву весной 1961 г. сообщали, что они «не раз писали в ЦК партии, но получается какой-то заколдованный круг: из ЦК письмо направляют в обком партии, а оттуда – нашему парторгу, который против [директора совхоза] боится и слово сказать, парторг собирает начальство совхоза во главе с [директором] и пишет ответ, что факты не подтвердились...» [68, д. 97, л. 52]. Председатель рабочкома совхоза «Анастасино» Смоленской области осенью 1961 г. в письме в ЦК КПСС заключал, что из-за райкома КПСС роль первичных организаций в районе

«сведена к нулю»: «Можно было привести десятки примеров и фактов, когда председатель колхоза пьянствовал, бездельничал, попирали законы советской власти и волю колхозников, жульничал и этими поступками снижал трудовую активность колхозников, а партийная организация стояла в стороне, райком партии знал, но мер не принимал. Более того, если отдельные секретари первичных партийных организаций пытались поднять голос против таких руководителей, их быстро убирал райком или переводил в другую организацию. Такие секретари, переведенные в другие парторганизации, становились смиреннее и не ставили уже перед райкомом [вопросов] о безобразиях...» [18, д. 1261, л. 91-92]. Член колхоза «7-й съезд Советов» Краснинского района Смоленской области, направивший весной 1961 г. в редакцию «Правды» письмо о злоупотреблениях председателя, так оценивал главу партячейки колхоза: «Секретарь парторганизации – это очень недалекий, ограниченный человек, который даже газеты читает редко, именуя их «политикой», вкладывая в это слово все, что называют нудным, скучным, но он хорошо может жонглировать лозунгами и, самое главное – он пьяница и верный соратник и соучастник всех дел и махинаций [председателя колхоза]...». Сам же председатель колхоза, по словам автора письма, считал партийную работу в колхозе «пустой кисельной болтовней» [Там же, д. 1086, л. 216].

Таким образом, к началу 1960-х гг. руководству райкомов и обкомов КПСС Центрального Нечерноземья удалось несколько нарастить количество сельских коммунистов, создать первичные организации во всех колхозах и совхозах, упорядочить соблюдение в них внутрипартийных процедур. Однако противоречие между задачей утверждения эффективного влияния на колхозно-совхозное производство посредством ячеек КПСС и их способностью проводить его в жизнь осталось неразрешенным, отражая углубление разрыва между почувствовавшим свою власть партаппаратом и рядовыми коммунистами. Количественное разрастание сети производственных первичных парторганизаций не сделало их основным рычагом партаппарата в решении проблем, стоявших перед КПСС в деревне. Руководство партийных комитетов продолжало опираться, в первую очередь, на непосредственно управлявших материальными ресурсами и рабочей силой, а не на сеть первичных организаций, носившую вспомогательный характер и являвшуюся более или менее налаженным каналом мобилизации сельского населения при проведении «массово-политических кампаний», резервуаром для выдвижения низовых номенклатурных кадров и опорой «представителей» райкомов КПСС и РИКов.

Список литературы

1. **Абрамов Б. А.** Организационно-партийная работа КПСС в годы четвертой пятилетки // Вопросы истории КПСС. 1979. № 3. С. 55-65.
2. **Андреев А.** На позиции невмешательства // Правда. 1946. 26 августа.
3. **Афанасьев Н.** Об укреплении первичных парторганизаций в колхозах // Партийное строительство. 1946. № 7-8. С. 22-27.
4. **Бакунин А. В.** История советского тоталитаризма: в 2-х кн. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. 224 с.
5. **Березин И.** Первые шаги работы по новому // Правда. 1946. 16 ноября.
6. **Брянская партийная организация в цифрах. 1944-1984:** статсборник / сост. З. А. Петрова и др. Тула, 1986. 118 с.
7. **Ведомости Верховного Совета СССР.** 1955. № 17.
8. **XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б):** стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 742 с.
9. **Восленский М. С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. Изд-е 1-е. М.: МП «Октябрь»; Советская Россия, 1991. 622 с.
10. **Всемерно улучшать руководство первичными партийными организациями** // Партийная жизнь. 1946. № 4. С. 1-6.
11. **Глезерман Г.** Базис и надстройка в советском обществе. М.: Госполитиздат, 1954. 347 с.
12. **Государственный архив Брянской области.** Ф. П-1649. Оп. 1.
13. **Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).** Ф. 30. Оп. 5.
14. **ГАДНИКО.** Ф. 34. Оп. 27.
15. **ГАДНИКО.** Ф. 55. Оп. 8.
16. **ГАДНИКО.** Ф. 55. Оп. 9.
17. **Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).** Ф. 6. Оп. 2.
18. **ГАНИСО.** Ф. 6. Оп. 3.
19. **Государственный архив Орловской области (ГАОО).** Ф. П-52. Оп. 5.
20. **ГАОО.** Ф. П-52. Оп. 323.
21. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. А-385. Оп. 46.
22. **Данилов А. А., Пыжиков А. В.** Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 303 с.
23. **Задачи партийной работы в современных условиях** // Партийная жизнь. 1946. № 1. С. 18-24.
24. **Зубкова Е. Ю.** Кадровая политика и чистки в КПСС (1945-1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 117-127.
25. **История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков):** краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
26. **История Коммунистической партии Советского Союза:** в 6-ти т. / пред. ред. колл. П. Н. Поспелов. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. Создание большевистской партии 1883-1903 гг. LIV+633 с.
27. **История Коммунистической партии Советского Союза:** в 6-ти т. / пред. ред. колл. П. Н. Федосеев. М.: Политиздат, 1980. Т. 5. Кн. 2. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества 1938-1959 гг. XII+691 с.
28. **История Коммунистической партии Советского Союза.** Изд-е 4-е, доп. / рук. авт. колл. акад. Б. Н. Пономарев. М.: Политиздат, 1971. 736 с.
29. **История Коммунистической партии Советского Союза** / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: РОССПЭН, 2014. 671 с.
30. **Категории политической науки** / пред. ред. совета А. В. Торкунов, рук. автор. колл. А. Ю. Мельвил. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
31. **Ковалев С.** Вопросы организации пропагандистской работы // Партийная жизнь. 1946. № 1. С. 46-52.

32. Конституция (Основной Закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/10/#1010 (дата обращения: 09.07.2014).
33. Конституция СССР и развитие советского законодательства. М.: Юр. лит., 1981. 376 с.
34. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 14-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 1938-1945. 574 с.
35. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 14-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 8. 1946-1955. 542 с.
36. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 14-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1986. Т. 9. 1956-1960. 574 с.
37. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 14-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1986. Т. 10. 1961-1965. 494 с.
38. Лактионов И. Д. КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. Челябинск, 1962. 52 с.
39. Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: ТОО ЗУЦНЦ, 1993. 182 с.
40. Лосев А. В. Партийные организации Центрального Нечерноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945-1964 гг.). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1965. 336 с.
41. О советском социалистическом обществе: сб. статей / под ред. Ф. Константинова, М. Каммари, Г. Глезермана. М.: Госполитиздат, 1949. 551 с.
42. Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. Изд-е 2-е, доп. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1972. 550 с.
43. Очерки истории Калининской организации КПСС / председ. редколл. В. И. Смирнов. М.: Моск. рабочий, 1971. 712 с.
44. Очерки истории Рязанской организации КПСС. 1938-1965 / науч. ред. Н. С. Приезмев. М.: Моск. рабочий, 1974. 541 с.
45. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938-1965 / науч. ред. В. Т. Анисков. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1990. 237 с.
46. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова, Н. Рубинштейна. М.: Госполитиздат, 1940. 671 с.
47. Порочный стиль руководства // Правда. 1950. 30 октября.
48. Правда. 1953. 15 сентября.
49. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1947. 689 с.
50. Региональная политика Н. С. Хрущёва и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменщиков, В. Ю. Васильев и др. М.: РОССПЭН, 2009. 774 с.
51. Романовский Н. В. Лики сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 1995. 227 с.
52. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 77. Оп. 1.
53. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 122.
54. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 11.
55. Сельский райком партии // Правда. 1946. 26 августа.
56. Соблюдать большевистские принципы руководства парторганизациями // Партийная жизнь. 1948. № 5.
57. Справочник партийного работника. М.: Госполитиздат, 1957. Выпуск первый / редколл. В. Н. Малин, В. П. Московский, Д. А. Поликарпов и др. 611 с.
58. Справочник партийного работника. М.: Госполитиздат, 1959. Выпуск второй / редколл. В. Н. Малин, В. П. Московский, Д. А. Поликарпов и др. 839 с.
59. Справочник партийного работника. М.: Госполитиздат, 1961. Выпуск третий / редколл. М. Т. Ефремов, В. Н. Малин, В. П. Московский и др. 835 с.
60. Тульская областная организация КПСС в цифрах 1917-1984: статсборник. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1986. 143 с.
61. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 177. Оп. 12.
62. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 13.
63. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14.
64. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 15.
65. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 16.
66. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 17.
67. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 18.
68. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31.
69. Шамберг М. Некоторые вопросы внутрипартийной работы // Партийное строительство. 1946. № 4. С. 27-34.

**RURAL PRIMARY ORGANIZATIONS OF THE CPSU IN THE CENTRAL NON-BLACK
EARTH REGION IN THE MIDDLE OF THE 1940S – AT THE BEGINNING OF THE 1960S:
QUANTITY, STRUCTURE, FUNCTIONING**

Kometchikov Igor' Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
kometchikov.igor@mail.ru

Regulating the number of communists in the country of the Central Non-Black Earth region in the middle of the 1940s – at the beginning of the 1960s and regrouping them the top circles of the Party declared they tended to control collective farm and state farm production as close as possible with their assistance. However the full coverage of the country with party groups acquired by the beginning of the 1960s did not result in removing the rigid administrative model of governing, in which primary party organizations often served as a secondary, but not the basic, mobilization mechanism of the Party apparatus.

Key words and phrases: the country of the Central Non-Black Earth region; rural primary organizations of the CPSU; system of governing the country; “party – state”; power and society.